

Елена Червинскене (1920–2003)

Профессор Елена Петровна Червинскене (Elena Červinskienė), руководившая кафедрой Русской литературы Вильнюсского университета с 1984 по 1989 г., – автор ряда исследований, посвященных русской классической литературе, среди которых книги о Федоре Достоевском (*Dostojevskis*, 1971), Антоне Чехове (*Единство художественного мира: А. П. Чехов*, 1976), Льве Толстом (*Levo Tolstojaus meno pasaulyje*, 1978; *По закону Льва Толстого*, 1992), хрестоматии по русской эстетической и критической мысли *Apie literatūros esmę: XVIII–XIX a. rusų estetinė ir kritinė mintis* (1988), статьи и выступления о творчестве Михаила Салтыкова-Щедрина, Николая Некрасова, Ивана Тургенева, Александра Герцена, Афанасия Фета. Но среди многочисленных работ одна ее книга стоит совершенно особняком.

В июне 1941 г. Е. П. Червинскене оказалась среди тех 17 500–18 000 жителей Литвы, которые были депортированы в Сибирь или другие места ссылки. Об этой трагической части своей жизни Червинскене рассказала в книге воспоминаний *Silpnųjų jėga* (Vilnius: Vaga, 1995), которая четыре года спустя вышла и на русском языке (*Сила слабых. Воспоминания*. Пер. с лит. А. Кондюриной. Москва: Диалог-МГУ, 1999). В память о Е. П. Червинскене мы публикуем рецензию В. Брио на эту книгу. Рецензия появилась в одной из газет Литвы сразу после выхода мемуаров на литовском языке.

История – это судьбы людские

Книга воспоминаний Елены Червинскене «Сила слабых» („*Silpnųjų jėga*“) выделяется своей неординарностью: жизненный опыт в ней пропущен сквозь «магический кристалл» профессионального опыта.

Елена Червинскене – педагог, профессор, литературовед, автор нескольких книг о творчестве русских писателей и, хочу именно в этом ряду подчеркнуть, – и сама обладала несомненным литературным талантом. Поэтому и книга получилась необычная: автор не только живо и естественно рассказывает о событиях прошедшего, но и с позиций настоящего размышляет о том времени. Мастерство рассказа, чувство юмора, тонкое понимание психологической подоплеки поведения делают книгу Елены Червинскене не только интересной, но и чрезвычайно глубокой.

Воспоминания – нелегкий жанр, это живое свидетельство эпохи и потому – исторический документ. Ценность такого исторического свидетельства в воссоздании

картины времени. Но с другой стороны, ценность воспоминаний еще и в субъективном переживании истории. Этот жанр требует предельной искренности, и в этом смысле в книге Елены Червинскене нет ни одной фальшивой ноты. Умеющая прощать, стремящаяся понять людские слабости, она необычайно строга к самой себе.

«Сила слабых» – это не просто рассказ о событиях, но история становления личности: постижение себя, рассмотренное как путь к себе. Это постижение становилось постепенно и «сотворением» собственной личности, – и с увлечением движется по этому пути вместе с раскрывающимся автором ее читатель.

В книге много бережно хранившихся в памяти автора и потому волнующих и нас «мелочей», подробностей быта. Обстановка родительского дома, где все заполнено трудом, все просто и нравственно. Начало самостоятельной жизни – Каунас, университет, полнота жизни, какая бывает только в юности, обаяние женственности, любовь, счастье... Но уют собственного домашнего очага, который с любовью создавала юная чета Юозас Гашка и Елена Гашкене, через полтора года был разрушен, а супруги жестоко разлучены чужаками, пришедшими утверждать советскую власть в Литве, – разлучены навсегда. Так вошло в жизнь это неумолимое «навсегда», равнозначное непостижимому в детстве «никогда».

Личная трагедия слилась с трагедией народа – неразделимо. И Елена прошла вместе со своим народом путь скорби и потерь – *Už Uralo žemės galo* – на Алтае и в Сибири. Погибли родители. Счастье материнства также оборвалось: дочь Марите, прекрасная, как ангел, в пышном белом платье (в первом и последнем ее платье, сшитом из фаты) так и не перешагнула младенческий возраст... И «безумный» поступок матери, которая пыталась ночью разрыть могилку, – ей казалось, что доченька очнулась, жива – так глубоко понятен. Самой Елене помогла вернуться к жизни в этом горе столь же обездоленная Анкявичене, ставшая названной сестрой. Могилы их детей там, у подножия одной из алтайских гор, рядом.

Был и непосильный труд, была на волосок от гибели несколько раз. Но была «надежда в безнадежности», и была цель, они помогали жить: вернуться на родину!.. учиться, трудиться, быть полезной, ведь «Литва – это ее люди. Пока они живы – жива и она».

О ссылке говорится и как о «даром потраченном времени», с этим трудно не согласиться, но это, как ни нежелателен он, – тоже жизненный опыт, сформировавший личные качества. Не случайно в книге говорится и о том, что неволя, помимо всего прочего, закаляет людей. Хрупкая девочка, мечтательница, стала очень сильным человеком, смогла развить и реализовать свои таланты.

Елене Червинскене как автору свойственно совершенно особое ощущение времени и – Времени. Она одинаково естественно чувствовала себя и в истории, где, вызванная воображением, дает ей совет (а может, наказ) княгиня Бируте, и в современности, о которой она очень здраво рассуждала. Есть в книге и прямые контакты с другими эпохами, как, например, волнующая встреча с внуком сосланного на Алтай повстанца 1863 года. «Я уже второе поколение, а грусть о родной земле и во мне жива», – сказал он, словно читая мысли своей попутчицы «внученьки», и в

этом слове слышишь не просто нежность к юному существу, подвергнутому тяжким испытаниям, но и признание духовного родства.

По-видимому, непростой жизненный опыт и «неженский ум» (что часто отмечали как особое достоинство и друзья, и, кажется, недоброжелатели) помогли ей ощущать время непосредственно сердцем. Особенно помогают этому, говорила Елена Червинскене, судьбы людей, живших в этом времени. Книга Елены Червинскене густо населена, в ней множество персонажей, часть из которых появляется лишь на мгновение, чтобы навсегда исчезнуть: из книги, но не из памяти! Ведь они – не «персонажи», а реальные люди, за каждым из них своя удивительная судьба. В этом смысле в книге немало неразвернутых прямо-таки шекспировских и «достоевских» сюжетов. По словам Елены Червинскене, «история складывается из судеб отдельных людей».

Многообразие судеб вывезенных из Литвы в сибирскую ссылку людей связано и общностью судьбы ссыльных. Елена Червинскене рассказала о целых семьях – Антанайтисов, Вайнштейнов и Эйзенштейнов, истории которых оборвались на трагической ноте. Естественно идет речь о соотечественниках-литовцах: о самоотверженной Анкявичене; о Марии Казлайтене, умудрившейся, всем на удивление, выращивать овощи в Якутии; о человеке потрясающей силы духа Шлегайтене; о гордой трудолюбивой Шлижене, умевшей подчинять себе тяжелые обстоятельства; о «несгибаемой» оптимистке Пушинене, с ее спасительным юмором; об Анеле, нашедшей силы вернуться с самого «дна»; о землячке Янине, счастливом человеке, убеждающей нас, что «не надо верить в силу зла, и оно не победит нас». Бескомпромиссно честная семья Шимберг стала для автора своеобразным воплощением национального характера (о котором она судит по сугубо личному опыту общения), с ними связаны и юмористические, и драматические эпизоды. Ради них Елена единственный раз использовала свое «влияние» на начальника и испытала счастливое чувство самоуважения от того, что смогла выручить из беды людей, веривших в нее. Дружеские отношения с этой семьей продолжились и после возвращения. «Верю, что “История Шимберга”, словно крупца целебной травы, занесенная из Сибири, поможет залечить раны трагического прошлого на моей родине», – написала Елена Червинскене.

В удивительно разных людях, с которыми сводила судьба, Елена Червинскене стремилась разглядеть лучшие проявления национального характера, до которых порой надо «докопаться», и именно это ей было интересно, и именно за это, за доброжелательность, мне думается, судьба подарила ей встречи с по-настоящему хорошими людьми, и именно потому ей, молоденькой женщине, удавалось «укротить» грозных начальников.

Она рассказала в книге об украинке Шевченко, о русских Августе Хорошиловой и шофере Толе, о татарине Тимире Сайфутдинове, о семье немцев Браун, о молчаливой финнке Хильде Мягелайнен, об алтайцах, об охотниках-якутах. Общению и сближению помогало, как пишет автор, общечеловеческое начало. Из этого общения она вынесла важную истину: «Называющий себя литовцем, евреем, русским

должен быть достоин этого имени». Эта истина произросла из чувства, что «среди окружающих нас людей других национальностей мы представляли не столько себя, сколько свой народ». И хотя помимо естественной гордости за свой народ в книге есть и горькие выстраданные слова о «своих», автор выше таких обид даже тогда, когда из Литвы она получила сообщение о «нежелательности» ее возвращения. И этот удар она пережила, может быть, потому, что в истинно человеческой сути своей – в верности отчизне, родной земле – была права.

Некоторые страницы читаются словно продолжающийся разговор с теми людьми – здравствующими в разных уголках земли и ушедшими из жизни. Елена Червинскене чувствовала свою ответственность за них и перед ними, некую принятую на себя моральную «уполномоченность», ведь именно она взялась, сумела рассказать об их нелегких судьбах.

Читая книгу, невольно думаешь, что память Елены Червинскене хранила в основном хорошие дела людей, и о них она спешила рассказать прежде всего, словно утверждая: это и есть главное, это и остается после нас, и за это – за добро – добром и воздастся. Но, даже рассказывая о подлости, беспринципности, предательстве, автор не судит сразу, но пытается понять скрытые причины поступка или пружины характера.

Мне приходилось встречаться, беседовать, дружить с людьми, прошедшими сталинские лагеря и ссылки. И самое замечательное, что в них нет ненависти или мстительного чувства, а только спокойная мудрость, открытость людям, чувство юмора, умение ценить каждый счастливый миг как подарок. Елена Петровна была из их числа. К таким людям испытываешь особое – возвышенное, благодарное чувство. Они укрепляют нашу веру в человека, в то, что все лучшее, что мы ценим, что хотим видеть в людях, – это удастся сохранить. Во всякое время человек может быть благородным. Это укрепляет нашу веру в жизнь и неуничтожимость добра.

Валентина Брио